

довскаго многія данныя и болѣе или менѣе любопытныя замѣчанія о восточномъ вопросѣ, о польскихъ дѣлахъ, о французской революціи и пр.

Такъ какъ Завадовскій, и въ качествѣ начальника канцеляріи Румянцова, и въ качествѣ офицера, участвовалъ въ первой турецкой войнѣ (1768—74) и при этомъ былъ товарищемъ Семена Романовича, нельзя удивляться тому, что въ перепискѣ между пріятелями часто была рѣчь о туркахъ и татарахъ. По случаю занятія Крыма въ 1783 году онъ писалъ: „Крымъ занять. Турки крѣпко молчатъ: непріязненные намъ дворы не находятъ своего счету вмѣшиваться въ сіи дѣла прямымъ лицомъ“ и пр. Узнавъ отъ Безбородки, что русское правительство лѣтомъ 1787 года не желало войны и старалось выиграть время, Завадовскій писалъ къ Александру Романовичу Воронцову, сильно осуждая образъ дѣйствій Потемкина и его товарищей: „Есть ли въ томъ благо-разуміе, что завременно обнажаемъ наши силы, наши виды и принуждаемъ турковъ уготовлять свою защиту?“ Продолжая разсуждать въ этомъ тонѣ, Завадовскій вдругъ останавливается, замѣчая: „Но на что я столько предъ тобою пустословлю по матеріи, ни до твоей, ни до моей части не касающейся? Пусть знаютъ то въ мірѣ, въ коихъ борода пошпире“.

Когда началась война, Завадовскій говорилъ иногда о военныхъ операціяхъ. Въ октябрѣ 1789 онъ писалъ между прочимъ: „Турки теперешніе плоше несравненно тѣхъ, что въ нашу службу были побиваемы. Имперія ихъ наклонилась подъ послѣдній ударъ. Могъ бы оной быть и въ наши дни, но будетъ ли, не отвѣчаю“ и пр. Надежда его на окончательное паденіе турецкой имперіи не сбылась. Въ концѣ концовъ, онъ недоволенъ результатами войны. Такъ, напр., онъ въ далекомъ веселомъ расположеніи духа писалъ 31-го октября 1790 года: „Со шведомъ миръ имѣемъ, не потерявши ничего изъ нашихъ камней и болотъ; обнадеживанія нашихъ сопостатовъ дѣйствуютъ надъ турками больше, чѣмъ тамошнія побѣды: уклоняются отъ мира, который доставать надобно за Дунаемъ или же отъ моря предъ Стамбуломъ. Способы всѣ въ рукахъ и избыточные“. Осенью 1791 года онъ писалъ: „Миру всѣ мы рады, но еще его полнымъ образомъ не имѣемъ... Сообрази убытки, представь величайшіе способы, каковы на турецкую войну мы имѣли, и разбѣрай тѣмъ одержанную пользу. Власть безпредѣльная, силы страшныя, я всегда думалъ, захватятъ въ театръ войны и самый Стамбулъ: но судьба еще хранить магометанъ отъ совершенной гибели. Бито ихъ довольно, но взяли у нихъ немного. Отчего же? Оставляю твоей догадкѣ“.